

УДК 81'373:811.161.1
DOI 10.52452/19931778_2021_3_181

КОГНИТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ТЕРМИНОВ – НАИМЕНОВАНИЙ ПОНЯТИЯ «ПРЕДЛОЖЕНИЕ» В РУССКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

© 2021 г.

С.А. Рылов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

standap46@mail.ru

Поступила в редакцию 15.09.2020

Используется диахронно-когнитивный подход к анализу немотивированного в русском синтаксисе термина *предложение*. На материале ранних восточнославянских грамматик XVI–XVII вв., первых русских грамматик на родном языке XVIII века и словарей древнерусского и русского языков анализируется когнитивное содержание терминов, выражавших в прошлом понятие ‘предложение’. Ранние средневековые термины *градъ*, *граджение*, *строка* имели ясную содержательную мотивацию с общей семей ‘ряд, расположение, протяженность’ составляющих элементов. Впоследствии под влиянием византийской и западноевропейской традиций (Ф. Меланхтон) распространяются термины-кальки с греческого и латинского, не имевшие ясной содержательной мотивировки: *слово*, *рѣчь*, *рѣчение*. Переломным этапом является XVIII век, когда в науке возникает немотивированный термин *предложение*, вытесняющий все другие наименования понятия ‘предложение’. Выясняются причины этого явления.

Ключевые слова: русская синтаксическая терминология, базовый термин *предложение*, диахронно-когнитивный подход, средневековые термины, выражающие понятие ‘предложение’; когнитивное содержание XVIII века как переходный этап

Современная лингвистическая наука характеризуется когнитивной парадигмой знаний, которую интересуют содержательные аспекты языковых форм и которая направлена «на исследование конструирования значения, его динамики, сложности формирования значения в пределах разных конструкций и в дискурсе» [1, с. 205]. Поэтому далеко не случайным является развитие в современной лингвистике особого направления – когнитивного терминоведения, основывающегося на идеях В.М. Лейчика и его учеников. Действительно, когнитивные процессы позволяют по-новому показать реальные взаимосвязи термина как средства фиксации знания и как средства выражения результатов познания, выявить динамику номинации термина, возможности его вариативности, изменения его формы и содержания [2, с. 324, 328].

Русская синтаксическая терминология – весьма развитая терминосистема, которая формировалась на протяжении нескольких столетий, начиная с XVI–XVII вв. Однако она остается одной из наименее изученных в современном терминоведении в плане становления, развития и функционирования [3, с. 4–5]. Недостаточно исследован в этом отношении и сам термин, выражающий понятие основной синтаксической единицы, – *предложение*. В работах по терминоведению последних лет неоднократно подчеркивалась необходимость дальнейшего изучения проблем эволюции терминологии,

которые теоретически ещё осмыслены недостаточно [4, с. 196; 5, с. 17–18]. Исторический подход к терминологии способствует лучшему осознанию содержательной сущности понятия «предложение», уяснению того, как в науке со временем изменялось, углублялось представление о *предложении*.

В основу номинации термина кладутся, как правило, *существенные* признаки, поскольку научные понятия формируются в результате обобщений, полученных в процессе познания существенных признаков объекта и отвлечения от признаков малосущественных. При этом образование термина чаще всего связано с лексикой общенародного языка. Так термин получает содержательную мотивацию, и значение термина воспринимается как вторичное, поясняемое другим, предшествующим [6, с. 64].

Мотивированность термина – один из важных факторов проявления самобытного характера терминологии. Так, очевидна мотивированность чешского узлового термина *věta*, образованного от устаревшего чешского глагола *větiti* – ‘mluviti’ (‘говорить, разговаривать’) [7, с. 465]. Однако русский эквивалент *предложение*, представляющий собой кальку с лат. *propositio* (от многозначного глагола *propono* – ‘предлагать, рассказывать, упоминать’) [8, с. 823–824], не имеет ясной содержательной мотивации. Постижению сущности главной синтаксической единицы русского языка, а тем са-

мым уточнению когнитивного содержания термина *предложение*, может помочь выяснение того, как осознавалась основная синтаксическая единица восточнославянскими грамматистами, какие существенные признаки научного понятия легли когда-то в основу номинации термина.

Зарождение и развитие синтаксической терминологии может быть проанализировано на основе изучения памятников древнерусской и старорусской письменности, словарей и специальной литературы разных времен, путем обращения к древнерусской и русской грамматической теории. Как отмечают исследователи, уже в XVI–XVII вв. восточнославянскими грамматистами был накоплен обширный материал в результате наблюдений над синтаксическими конструкциями. Значительное влияние на восточнославянских грамматистов оказали византийская филологическая и западноевропейская лингвистическая традиции, в частности труды Ф. Меланхтона, – с его логико-семантическим подходом к грамматике и грамматическим категориям и особым вниманием к их семантике [9, с. 138–139]. Разумеется, о какой-либо стройной теории предложения применительно к тому времени говорить не приходится: синтаксические конструкции традиционно описывались на основе частей речи. Сведения, касающиеся учения о предложении, в ранних восточнославянских грамматиках оказываются очень скудными – теория предложения и его членов возникает и развивается только с середины XVIII в. [10, с. 105], в частности в первых русских грамматиках на родном языке. Тем не менее уже на ранних этапах формирования русской лингвистической терминологии «для нее была характерна динамичность, высокая степень вариантности, множественность средств выражения. <...> к XVI веку в русском языке был накоплен большой запас терминов, что привело к развитой синонимии» [11, с. 37].

Анализ ранних восточнославянских грамматик XVI–XVII вв.¹ и первых русских грамматик на родном языке XVIII века², а также словарей древнерусского и русского языков³ показывает, что понятие «предложение» выражалось в прошлом многочисленными терминами, отличающимися от современных: *қрадъ*, *қражение*, *строка*, *слово*, *глаголь*, *глаголание*, *рһчь*, *рһчение*, *стихъ*, *предъложение*, *периодъ*. Все указанные лексемы, кроме слова *периодъ*, вошедшего в русский язык в XVIII в. и получившего в синтаксисе ряд значений [12, т. 2, с. 390], отмечаются историческими словарями.

На основании данных «Словника-индекса» [13], главным источником которого послужил «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.», и его сопоставления с «Материалами для Словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского и «Словарем русского языка XI–XVII вв.» следует выделить 2 группы лексем. Лексемы *қрадъ*, *қражение*, *строка*, *стихъ* зафиксированы только в словарях, описывающих лексический состав древнерусского языка XI–XIV вв., а именно: в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» и в «Материалах для Словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского. Лексемы *слово*, *глаголь*, *глаголание*, *рһчь*, *рһчение*, *предъложение*, помимо этих двух словарей, фиксируются также в «Словаре русского языка XI–XVII вв.». Большинство из рассматриваемых лексем общеславянского происхождения. Заимствованными являются лишь *глаголь* и *глаголание* – из старославянского, *стихъ* – из греч. *στίχος* – «ряд, строка, стих» [14, с. 387; 15, т. III, с. 761], *периодъ* – заимствовано в XVIII в. из французского *période*, восходящего к греч. *περίοδος* – «движение, течение, круговращение, определенный круг времени» [12, т. 2, с. 390]. Примечательно, что многие из указанных слов были в древнерусском и старорусском языках полисемичными. Так, в «Материалах для Словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского дается 28 значений для лексемы *слово*, 17 значений – для лексемы *рһчь*, 7 значений – для лексемы *строка*, 6 значений – для лексемы *стихъ*, 5 значений – для лексемы *предъложение*. Как правило, у каждой из лексем терминологизировалось одно из значений – преимущественно на основе калькирования соответствующего греческого или латинского слова. Показательно, что при семантическом переводе такого слова древние славянские грамматисты стремились подыскать наиболее подходящий древнерусский или старославянский эквивалент, поэтому интересно вычленивать тот признак, на основе которого происходила терминологизация, сопоставить терминологизированное значение, выражающее понятие ‘предложение’, со значением обиходным.

Наиболее ранними терминами, выразившими в средние века понятие ‘предложение’, были *қрадъ*, *қражение*, *строка*. Так, слова *қрадъ*, *қражение* в качестве синтаксических терминов

употреблялись уже в XVI в., например, в «Донат» (1522 г.) Дмитрия Герасимова (дошедший до нас Казанский список – 1562–63 гг.) и в примыкающих к нему синтаксических статьях [16]. Термины эти имели в средние века отчетливое когнитивное содержание, поскольку возникли на базе общеупотребительных исконных лексем, существовавших в древнерусском языке, – в результате терминологизации одного из значений. Обиходное (нетерминологическое) значение слов *қрадъ*, *қражение*, *строка* раскрывается в словарях следующим образом: *қрадъ* – «устройство, распорядок» [15, т. IV, с. 169]; *қражение* – «устроение» [17, т. III, с. 1263]. В «Толковом словаре» В. Даля оба эти слова даются в одной статье *уряжать* – «порядок, обиход, законный или обычный ход, устройство» [18, т. IV, с. 510]. При этом и *қрадъ*, и *қражение* – производные от древнерусского *радъ* (на что указывает и М. Фасмер), которое, будучи полисемичным, имеет, в частности, значения: «строй, ряд, расположение предметов один подле другого», «порядок»; по *ради* – «одно за другим, по порядку», «последовательно» [17, т. III, с. 231–232]. Сопоставим с однокоренными словами в родственных языках: болгар. *редѣт* – ‘ряд, порядок, строка’; чешск. *řád* – ‘порядок, класс, строй’ и чешск. *řada* – ‘ряд, очередь, шеренга’; лит. *rinda* – ‘ряд, линия’ [15, т. III, с. 536; 7, с. 394]. Как отмечает М. Фасмер, ученые пытаются установить связь слова *ряд* с греч. *αράρισκω* – ‘составляю’, *αρθμός* – ‘соединение’, что позволяет предположить: терминологизированное значение слов *қрадъ*, *қражение* возникло в результате калькирования с греческого. Указанное терминологическое значение слов *қрадъ*, *қражение*, как видим, возникло на основе признака («семы») – «конструкция, построенная из элементов, расположенных в порядке их следования, один за другим», что достаточно четко раскрывало когнитивную сущность выражаемого понятия ‘предложение’.

Близкий к отмеченному признак был положен в основу терминологизированного значения многозначного слова *строка*, поскольку среди его обиходных значений отмечаются такие: «ряд», «законченный период речи в письме; стих» [17, т. III, с. 556]; «расположение чего по прямой черте, сплошной ряд, линия, порядок, дорожка, полоска, что идет тесьмой, лентой, гуськом» [18, т. IV, с. 342]. Следует отме-

тить, что и заимствованное *СТИХЪ* имело в древнерусском языке близкие значения: «ряд, строка, законченная фраза» [17, т. III, с. 515]; ср. также греч. *στίχος* – «ряд, строка, стих» [14, с. 387; 15, т. III, с. 761].

Итак, ранние восточнославянские грамматические термины *қрадъ*, *қражение*, *строка*, выражавшие понятие ‘предложение’, имели отчетливую содержательную мотивацию: само понятие «предложение» древними нашими грамматистами осознавалось прежде всего как некоторая «протяженность» составляющих ее элементов («частей слов» – частей речи, членов предложения), расположенных в порядке их следования, один за другим, т. е. как своего рода «грамматическое развертывание». Интересно, что ранние восточнославянские грамматики содержат указания и на синтаксическую организацию предложения. Например, одна из статей, сопровождающих «Донат» Д. Герасимова, называется «W помѣстномъ қчинении қражемыхъ» [16], т. е. «О пространственной организации предложений». Эта статья содержит правила порядка слов в предложении.

Впоследствии в русской грамматической науке более широкое распространение получает другой термин, выражающий понятие ‘предложение’, – слово. Этот термин представлял собой кальку с греческого и уже не имел такой содержательной мотивировки, как термины *қрадъ*, *қражение*, *строка*. Следуя греческой традиции, первые восточнославянские грамматисты использовали греческий термин *λογος*, который включал в себя как логические, так и грамматические значения: акт мысли и речи, суждение, доказательство, положение, рассуждение, слово, речь, предложение, выражение, речение [19, т. I, с. 1034], и при переводе его приняли наиболее подходящий славянский эквивалент – слово, поскольку многие значения греч. *λογος*, и др.-рус. слово совпадали [20, с. 69]. Так для выражения понятия «предложение» был принят термин слово, который употреблялся во всех доломосовских грамматиках. Именно в таком значении используется термин слово в «Грамматике словенской» Л. Зизания [21]: «Слово есть реченіи сложеніе, еже являет мысл самосъвершенни, яко, Павелъ въ храмѣ ходитъ» (л. 16); «есть же Слово реченіи сложеніе разумъ совершенъ

являющее» (л. 20) [22]. Под предложением, вслед за Ф. Меланктоном [9, с. 130], понимается определенное сочетание слов, которое выражает самостоятельную мысль, причем в качестве одного из существенных признаков слова (=предложения) отмечается грамматическая оформленность, наличие грамматической связи между словами: реченїи сложенїе. На этот признак основной синтаксической единицы обращается внимание и в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого (Грамматїки Славенския правилное Сунтагма. Евье, 1619) – при описании «сочинения» частей речи, где рассматриваются способы соединения частей речи, образующих подлежащее и сказуемое (глава «W Именителном со Глаголомъ», лл. 210–212) [21, с. 413–415].

Заметим, что лексема *речение* еще в древнерусском языке имела несколько значений, синонимичных с многозначными *слово*, *рѣчь*, о чем свидетельствуют «Материалы...» И.И. Срезневского [17, т. III, с. 117–118]. На основании «Толкового словаря» В. Даля можно судить, что и в более позднее время лексема *речение* сохраняла многие значения, синонимичные со значениями лексем *слово*, *рѣчь*, в том числе могла употребляться и для выражения понятия «предложение»: «Реченье, ср. речъ ж. слово, изречение, выраженье. || Речъ, что-либо выраженное словами, устно или на письме; **предложенье** [выделено мною. – С.Р.], связные слова, в коих есть известный смысл» [18, т. IV, с. 94]. Подтверждение этому находим и в «Историческом словаре русской лингвистической терминологии» М.Г. Булахова, где в качестве одного из значений термина *речение* дается значение ‘синтаксическая конструкция’, что подтверждается приводимыми выдержками-цитатами из трудов М.В. Ломоносова, А.Х. Востокова, К.С. Аксакова [23, т. 3, с. 199–200].

Однако латинские грамматисты, взявшие за образец греческие языковедческие теории и термины, перевели *λογος* как *ōgātio*, основными значениями которого были: ‘речь, способность говорить’, ‘речь как акт, процесс’. Лат. термин *ōgātio* в XVIII в. был переведен на русский язык словом *речь*. В результате в русской грамматике для выражения понятия ‘предложение’ к традиционному термину *слово* добавился еще один – *речь*. Это было вызвано тем, что оба термина возникли как кальки, но один – с греческого

λογος (термин *слово*), а другой – с латинского *ōgātio* (термин *речь*) [20, с. 69–70].

Грамматический термин *речь*, выражающий понятие ‘предложение’, находим в первой русской грамматике В.Е. Адогурова (30-е годы XVIII в.): «<...> надлежитъ въ Грамматике <...> разсуждать <...> о словах соединенных, то есть о целой речи, а на последокъ какъ всякое въ речи положенное слово правилно выговариватъ» (л. 1) [24, с. 93]. Иногда в качестве синонима термина *речь* в значении ‘предложение’ здесь встречается термин *стихъ*, например, при разъяснении «пользы» постановки знаков препинания [24, с. 126]. Правда, употребление термина *речь* в грамматике В.Е. Адогурова еще не было упорядоченным: этот термин используется здесь и в очень широком (несинтаксическом) значении: «все въ члвческой речи случающїеся слова» (л. 129) [24, с. 125], и в узком – в значении ‘словосочетание’, ср.: «случается что целая речь тожь самое понятие изьявляет, которое иногда и одно слово также изображаетъ какъ например речь *во сто раз* изьявляет нам тожь понятие, которое и слово *всотеро*» (л. 122) [24, с. 122–123].

В отличие от этого М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» (1755 г.) устойчиво вводит в оборот, вместо традиционного многозначного термина *слово*, термин *речь* именно для выражения понятия ‘предложение’: «Сложение знаменательныхъ частей слова, или речений, производить речи, полной разумъ въ себе составляющїя... Например: Начало премудрости есть страхъ Господень» [25, с. 38]. Термин *речь* использовался для выражения понятия «предложение» и после М.В. Ломоносова: например, А.А. Барсовым в «Грамматике российской» [26, с. 39, 153 и др.], в первой академической грамматике русского языка [27, с. 255, 282].

В XVIII в. наряду с термином *речь* получает распространение синонимичный ему грамматический термин *предложение*, возникновение которого связывают с именем М.В. Ломоносова. Заметим, что еще в XVI в. термин *предложение* использовался первыми восточнославянскими грамматистами («Книга глаголемаа Грамматика меньшаа»), но для обозначения особой части речи – «предлога», и представлял собой перевод с латинского *propositio*. М.В. Ломоносов в своей «Риторике» использует новый термин *предложение*, являющийся калькой с латинского слова *propositio* [8, с. 823–824]. Однако первоначально М.В. Ломоносовым обозначалась этим термином не синтаксическая единица, а риторическая категория: словесно

выраженное логическое суждение, ср. *propositio* – ‘то, что рассказано, изложено’.

Одним из первых русских ученых, перенесших учение о предложении из риторики в грамматику, был А.А. Барсов, который «не только вводит в сферу изучения синтаксиса предложение, но и делает предложение одним из самых главных объектов синтаксического изучения» [28, с. 51]. В «Грамматике российской», в самом начале ее раздела «О словосочинении», А.А. Барсов использует для выражения понятия ‘предложение’ еще традиционный термин *речь*: «Речь же полный смысл имеющая состоитъ въ ясномъ и вразумительномъ утверждении или отрицании сказуемаго о подлежащемъ» (л. 227) [26, с. 153]. В последующем своем изложении ученый чаще прибегает к синонимичному с первым термину *предложение* [26, с. 154 и др.], определяя его кратко через принятый ранее термин *речь*: «Что есть Предложение. Предложение (*propositio*) есть речь полный смысл имеющая, напр. *Начало премудрости есть страхъ господень; Все люди суть смертны*» (л. 82) [26, с. 72]. К терминологическим нововведениям А.А. Барсова относят и такие составные термины, как *простое предложение*, *сложное предложение*, ср.: «Предложению простому противопоставляется сложное» (л. 241) [26, с. 158].

Даже в начале XIX века в первой академической грамматике русского языка для выражения понятия ‘предложение’ используются в качестве синонимов и термин *речь*, и термин *предложение* [27, с. 35–36, 38–39, 255, 282]. Однако термин *предложение* как обозначение минимальной коммуникативной синтаксической единицы языка (речи) постепенно вытеснил термины-синонимы *слово*, *речь*, *речение* потому, что «последние были многозначны не только в обиходной речи, но даже в пределах грамматики. Новый же термин *предложение* был принят в русскую грамматику для обозначения одного, строго определенного научного понятия» [20, с. 71].

Итак, диахронно-когнитивный подход к терминам, выразившим понятие ‘предложение’, позволяет наметить переломный этап процесса «перезагрузки» русской синтаксической терминологии – XVIII век. Только с середины XIX в. современный синтаксический термин *предложение* окончательно утверждается в лингвистической терминологии, вытесняя все другие наименования, выразившие понятие ‘предложение’, – несмотря на его «непрозрачность», немотивированность с точки зрения обычного (нетерминологического) значения русского слова «предложение», производного от глагола «предложить».

В данном случае мы встречаемся с любопытным явлением, когда в терминосистеме закрепляется термин, утративший семантическую мотивированность, и вытесняет синонимичные термины, имевшие отчетливую содержательную мотивацию: *градъ*, *граждение*, строка с общей семой ‘строй, ряд, расположение предметов один после другого’. Но как раз эти вышедшие из научного оборота термины отражают когнитивную сущность синтаксической единицы: ‘предложение’ осознавалось первыми восточнославянскими грамматистами как конструкция, представляющая собой некоторое «расположение», «протяженность» составляющих её элементов («частей слова» = частей речи, членов предложения), которые следуют «по порядку», один за другим. Думается, причина отмеченного явления в том, что оформленность (упорядоченность, «расположение» элементов) русскими грамматистами перестала осознаваться как главный признак синтаксической единицы языка. Постепенно на первый план стала выдвигаться *функциональная* сторона предложения как средства формирования и выражения мысли. Кроме того, немотивированный термин, каким является термин *предложение*, легче меняет свою предметно-понятийную отнесенность, что бывает чрезвычайно важно в тех случаях, когда ученые выявляют новые, ранее не замеченные стороны самой языковой реалии и могут вкладывать в один и тот же термин разное содержание: логическое, психологическое, структурно-грамматическое и др.

Примечания

1. В работе обследованы ранние восточнославянские грамматики, являющиеся памятниками грамматического содержания XVI–XVII вв.: 1) восточнославянский «Донат»: Книга глаголемаа Донатисъ меншеи, в ней же бешдует о осми частхъ вѣтаниа [16]; 2) Грамматика Словенска Съвершенна искусства осми частїи слова, и иных нуждных (Вильна, 1596) [21, с. 30–113]; 3) Zizaniĵ Lavrentij. Grammatika slovenska (Wilna, 1596) [22]; 4) Грамматїки Славенсїиа правїльное Сунтагма (Евѣе, 1619) [23, с. 132–470].

2. Нами проанализированы три первые русские грамматики на родном языке: 1) Грамматика В.Е. Адодурова (1738–1740 гг.), не дошедшая до нас в полном виде, – см. [24, с. 93–127]; 2) Российская грамматика Михайла Ломоносова [25]; 3) «Российская грамматика» А.А. Барсова (1783–1788 гг.) [26]. Кроме того, обследована первая академическая грамматика русского языка [27].

3. В качестве источников использованы следующие словари: Булахов М.Г. Опыт исторического сло-

варя русской лингвистической терминологии: В 5 т. [12, т. 2; 23, т. 3–4]; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1. М., 1988 и послед.; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975 и послед.; Словник-индекс [13]; Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка [17, т. I–III]; Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [18, т. I–IV].

Список литературы

1. Писаренко В.И. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Актуальные проблемы современной лингвистики: Учеб. пособие / Сост. Л.Н. Чурилина. М.: Наука, 2006. С. 200–205.
2. Сложеникина Ю.В. В.М. Лейчик и теория терминоведения // Современные тенденции в лексикологии, терминоведении и теории LSP: Сб. науч. тр., посвященных 80-летию В.М. Лейчика. М.: Изд-во МГОУ, 2009. С. 324–329.
3. Немыка А.А. Развитие и самоусложнение терминосистемы русского синтаксиса: Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1999. 144 с.
4. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. 3-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2007. 256 с.
5. Сложеникина Ю.В. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. М.: ЛИБРОКОМ, 2016. 120 с.
6. Лемов А.В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000. 192 с.
7. Holub J., Lye S. *Stručný etymologický slovník jazyka českého*. Praha: SPN, 1978. 488 s.
8. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976. 1036 с.
9. Дюбо Б.А. Филипп Меланхтон и русская грамматическая традиция. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. 164 с.
10. Мечковская Н.Б. Ранние восточнославянские грамматики. Минск: Университетское, 1984. 159 с.
11. Картавенко В.С. К вопросу формирования лингвистической терминологии в русском литературном языке // Лингвистическая терминология в советском языкознании: Тез. докл. респ. науч. конф. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1991. С. 36–37.
12. Булахов М.Г. Опыт исторического словаря русской лингвистической терминологии: В 5 т. Минск, 2003. Т. 2.
13. Словник-индекс и Обратный словник к Словарию древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 2-х т. Т. 1: Словник-индекс / Отв. ред. С.П. Лопушанская. М.–Волгоград, 2002.
14. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1958. 1284 с.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973.
16. Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1885. Т. 1.
17. Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1958. Т. I–III.
18. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I–IV.
19. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: В двух томах. М.: ГИС, 1958. Т. 1.
20. Тоболова М.П. О термине «предложение» // Русская речь. 1975. № 3. С. 69–71.
21. Грамматика Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научн. комментарий и указатели Е.А. Кузьминовой. М., 2000. С. 30–113.
22. Zizanj Lavrentij. *Grammatika slovenska*. Wilna, 1596. Herausgegeben und eingeleitet von Gerd Freidhof. Frankfurt am Main; München, 1972. 93 s.
23. Булахов М.Г. Опыт исторического словаря русской лингвистической терминологии: В 5 т.: Минск, 2004. Т. 3–4.
24. Успенский Б.А. Первая русская грамматика на родном языке (Доломоносковский период отечественной русистики). М.: Наука, 1975. 232 с.
25. Российская грамматика Михаила Ломоносова. СПб., 1755 / Факсимильное изд. М., 1982. 212 с.
26. Российская грамматика А.А. Барсова / Под ред. Б.А. Успенского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 776 с.
27. Российская грамматика, сочиненная императорскою Российскою академиею. СПб., 1809.
28. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потемби и Фортунатова). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. 400 с.

References

1. Pisarenko V.I. About cognitive linguistics and semantics of the term «cognitive» // Actual problems of modern linguistics: Textbook / Comp. L.N. Churilina. M.: Flint: Nauka, 2006. P. 200–205.
2. Slozhenikina Yu.V. V.M. Leychik and the theory of
3. Nemyka A.A. Development and self-complication of the terminosystem of Russian syntax: Dissertation of the Candidate of Philological Sciences. Krasnodar, 1999.

COGNITIVE CONTENT OF TERMS – NAMES OF THE NOTION «SENTENCE» IN THE RUSSIAN GRAMMATICAL TRADITION

S.A. Rylov

The author uses a diachronic-cognitive approach to the analysis of the term *predloženiye* (sentence) that is not motivated in the Russian syntax. Based on the material of the early East Slavic grammars of XVI–XVII centuries, the first Russian grammar in the native language of the XVIII century and dictionaries of the Old Russian and Russian languages, the author analyzes cognitive content of the terms expressing the notion 'sentence' in the past. The early medieval terms *ouryad*, *ouryazhenie*, *stroka* had a clear content motivation with the general seme 'row, location, length' of the constituent elements. Subsequently, under the influence of the Byzantine and Western European traditions (F. Melanchton), there spread terms-calques from Greek and Latin, which did not have a clear content motivation: *slovo*, *rech*, *recheniye*. The turning point is the XVIII century, when the unmotivated term *predloženiye* appeared in science, ousting all other names of the notion 'sentence'. The reasons for this phenomenon are being investigated.

Keywords: Russian syntactic terminology, basic term *predloženiye* (sentence), a diachronic-cognitive approach, medieval terms expressing the notion 'sentence', cognitive contents, the XVIII century as a turning point.

144 p.

4. Leychik V.M. Terminology: Subject, methods, structure. 3rd ed. M.: LIBROCOM, 2007. 256 p.

5. Skladenikina Yu.V. Fundamentals of terminology: Linguistic aspects of the theory of the term. M.: LIBROCOM, 2016. 120 p.

6. Lemov A.V. System, structure and function of a scientific term (based on the material of Russian linguistic terminology). Saransk: Mordovian University Press, 2000. 192 p.

7. Holub J., Lyer S. Stručný etymologický slovník jazyka českého. Praha: SPN, 1978. 488 s.

8. Dvoreckij I.H. Latin-Russian dictionary. M.: Russian Language, 1976. 1036 p.

9. Dubo B.A. Philip Melancthon and the Russian grammatical tradition. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University, 2005. 164 p.

10. Mechkovskaya N.B. Early East Slavic grammars. Minsk: Universitetskoe, 1984. 159 p.

11. Kartavenko V.S. On the issue of the formation of linguistic terminology in the Russian literary language // Linguistic terminology in Soviet linguistics: Abstracts of reports of the republican scientific conference. Nizhny Novgorod: N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University Press, 1991. P. 36–37.

12. Bulakhov M.G. Experience of historical dictionary of the Russian linguistic terminology: In 5 vol. Minsk, 2003. Vol. 2.

13. Dictionary-index and Reverse dictionary to the Dictionary of the Old Russian language (XI–XIV centuries): In 2 t. T. 1: Glossary-index / Ed. by S.P. Lopushanskaya. M.–Volgograd, 2002.

14. Preobrazhensky A.G. Etymological dictionary of the Russian language. M.: Type. G. Lissner and D. Sobko, 1958. 1284 p.

15. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. M., 1971. T. III. M., 1973. T. IV.

16. Yagich I.V. Arguments of the South Slavic and Russian antiquity about the Church Slavonic language // Studies on the Russian language. St. Petersburg, 1885. Vol. 1.

17. Sreznevsky I.I. Materials for the Dictionary of the Old Russian language. St. Petersburg, 1958. Vol. I–III.

18. Dal V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Moscow, 1955. Vol. I–IV.

19. Dvoreckij I.H. Ancient Greek-Russian dictionary: In two volumes. Moscow: GIS, 1958. Vol. 1.

20. Tobolova M.P. About the term «sentence» // Russian speech. 1975. № 3. P. 69–71.

21. The grammar of Laurentius Zizanius and Meletius Smotritsky / Compiler, text preparation, scientific comments and indexes by E.A. Kuzminova. M., 2000. P. 30–113.

22. Zizanij Lavrentij. Hrammatika slovenska. Wilna, 1596. Herausgegeben und eingeleitet von Gerd Freidhof. Frankfurt am Main; München, 1972. 93 s.

23. Bulakhov M.G. Experience of the historical dictionary of Russian linguistic terminology: In 5 volumes: Minsk, 2004. Vol. 3–4.

24. Uspensky B.A. The first Russian grammar in the native language (The Dolomonosov period of Russian Rusistics). M.: Nauka, 1975. 232 p.

25. Mikhail Lomonosov's Russian Grammar. St. Petersburg, 1755 / Facsimile edition. Moscow, 1982. 212 p.

26. The Russian grammar of A.A. Barsov / Ed. by B.A. Uspensky. M.: Moscow University Press, 1981. 776 p.

27. Russian grammar, composed by the Imperial Russian Academy. St. Petersburg, 1809.

28. Vinogradov V.V. From the history of the study of

Russian syntax (from Lomonosov to Potebnya and Fortunatov). M.: Moscow University Press, 1958. 400 p.